

ОН —
ЕЁ ЗАЩИТА.
ОНА —
ЕГО СЛАБОСТЬ.

ПАРТИЯ *в молчании*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Мэйби Даркс

Партия в молчании

<https://litres.ru/74612777>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в мою игру.

Ты думаешь, что я — жертва? Хрупкая птица в золотой клетке? Ты думаешь, что можешь меня спасти?

Правила просты:

1. Не верить никому (Особенно мне).
2. Не влюбляться в монстров (Даже если они обещают защиту).
3. Помнить, что у каждой игрушки есть острые края.

Наш контент может ранить:

Сцены насилия и секса без правил.

Упоминание прошлого, которое лучше забыть.

Ложь, манипуляции и кровь.

Ты готов играть?

18+

Дарья: Я жена его босса. Он думает, что я жертва, что я заложница золотой клетки, которую заставили отдать ключи от своей свободы. Я люблю эту роль; она скрывает демонов, которые сидят внутри меня после того, что произошло в моём прошлом. Он пытается понять и вскрыть меня. Что ж, игра начинается.

Арес: Я наёмный убийца, которого нанял её муж. Она выглядит хрупкой, в её глазах я увидел то, что видел у многих женщин за всю свою жизнь. Обычно мне плевать, я не лезу в чужие жизни и выполняю свою работу безупречно, но в этот раз я захотел стать защитником.

Содержание

Глава 1. Шёлк	5
Глава 2. Кровь	11
Глава 3. Шёлк	16
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мэйби Даркс

Партия в молчании

Глава 1. Шёлк

В шахматах кричать бесполезно. Либо ты делаешь ход, либо молчишь и ждёшь, пока тебя съедят.

Два года назад.

Здесь холодно. Как всегда холодно и грязно. Моё тело должно тянуться к теплу, но в горле встаёт комок тошноты. Я уже не чувствую того, что должна бы чувствовать, как обычный человек.

А человек ли я уже? Не знаю. Задаюсь этим вопросом уже несколько месяцев подряд. Что же я должна чувствовать в тёмном переулке, пока лежу под потным, грязным мужчиной, у которого изо рта пахнет хуже, чем в любом месте Нью-Йорка. Ощущаю себя просто телом, которое используют так, как хочет тот, кто платит деньги.

Это весело, правда. Весело смотреть на проплывающие облака, которые я вижу чаще, чем хотелось бы. Где же

солнце, которое я так любила всю свою жизнь? От разду-
мий меня резко выдёргивает звонкая пощёчина. Голова дёр-
гается, и я слышу, как скрипят мои собственные зубы. На
языке расплзается что-то солёное и липкое — я прику-
сила щёку. Кровь смешивается со слюной, и мне приходит-
ся сглатывать её, чтобы не подавиться. Это закончится.
Это скоро закончится.

— Я же сказал смотреть на меня, когда я заканчиваю, —
прорывал мне в ухо низкий голос мужчины, который сейчас
нависает надо мной, обжигая мою кожу своим грязным и
вонючим дыханием.

Я перевожу свои глаза от облачков на лицо этого муж-
чины. Он смешино дёргается. Я чувствую, как мелкий гравий
впивается мне в лопатки, царапая кожу. Это раздражает.
Больше, чем сам процесс. Я мысленно считаю эти камешки,
чтобы не всматриваться ему в лицо. Один, два, три... Я не
чувствую боли. Я уже давно не чувствую боли. Интересно, а
этот шрам у него на щеке болит в плохую погоду? Это явно
раньше было ножевое ранение, наверное, ему было больно. А
должно ли быть больно мне, когда асфальт царапает мне
спину? Не помню. Наверное, раньше было бы больно... но я
уже просто оболочка для тени того, что раньше было ду-
шой.

Он корчится, и от этого на его лице появляется ещё боль-
ше морщин, а серые, почти бесцветные глаза немного исче-
зают под его веками. Это приносит мне облегчение, это все-

гда означает то, что они заканчивают, и скоро я уже смогу купить себе хотя бы горячую булочку в захудалом кафе напротив этого переулка. Даже сейчас я помню её вкус. Мягкая, тёплая, сладкая, но с щепоткой соли, которая только добавляет вкусовой экстаз. Если только Дэш не найдёт мне ещё одного клиента, ведь он всегда считает, что его девочки могут работать круглые сутки без перерывов и не устать. Ведь как можно устать от работы шлюхи, верно?

Мужчина с глухим рыком вышел из меня и поднялся на ноги, отряхнув свои брюки и застегнув ширинку. Он бросил на меня последний взгляд, словно это я была грязной и сама заставила его заплатить за секс со мной. Я знаю этот взгляд. Видела его у десятков мужчин до этого. В своих мыслях они оправдывают себя за то, что только что произошло. За то, почему они здесь, с проституткой, а не дома, с женой и детьми. Но это они грязные. Они сами выбирают быть здесь. Они сами выбирают ощущение мнимой власти над чьим-то телом. У таких мужчин практически всегда есть жена, а ещё чаще дети.

Дети, дети, дети... Я тоже когда-то была ребёнком. Но я была брошенным ребёнком, ненужным балластом, грушей для битья злых взрослых, которые работали в моём приюте, а потом в приёмных семьях. Меня перевозили из одного места в другое, из одной страны в другую, но я так и не нашла себе дом. Может, я просто неправильная? Может быть, я делаю что-то не так? Нет... Просто этот мир

уже давно сгнил для того, чтобы понять меня. Для того, чтобы принять меня такой, какая я есть на самом деле.

Меня опять вырывают из моих мыслей, но теперь уже это Дэш. Он хватает меня за предплечье и дёргает с асфальта, чтобы я наконец встала на ноги. Теперь моя спина чувствует прохладный ветер вместо мокрого асфальта, который уже нагрелся от моего тела.

— Урод заплатил мне меньше из-за твоего чёртового непослушания, — недовольно и даже раздражённо проговорил Дэш, помогая мне обратно надеть моё платье, хотя это едва ли можно было назвать помощью. — Ты опять начинаешь свои... причуды. Если такое повторится, то будешь постоянно стоять на улице.

Я должна была испугаться? Смешно... Я и так большую часть дня провожу на улице. Этот идиот бы не выдержал и половины того, что я прожила. Станные предпочтения клиентов, но, оказывается, им это нравится. Эта запретность, этот небольшой шанс, что заметят копы и начнутся проблемы. Но этого никогда не происходит, никто никому ничего не запрещает. Никто не заглянет в этот тёмный переулок, никто не заметит того, что происходит. Никто не поможет мне, хотя я уже давно забыла это слово. Его нет в моей жизни и никогда не было. Я всегда справлялась со всем сама. Я всегда сама сохраняла этот огонёк внутри себя, раздувая его, пока его пытались затушить все, кого я когда-либо встречала.

Но я всё равно слегка кивнула на слова Дэша. Даже постаралась сделать максимально виноватое выражение лица, будто у меня ещё остались какие-нибудь эмоции. Хотя нет, эмоции остались... Безднадёжность и принятие. Для меня это единственные эмоции, которые я могу почувствовать. Или это не эмоции? Впрочем, для меня это не имеет никакого значения.

Дэш дал мне десять долларов. Одна бумажка. Гамильтон сейчас смотрит на меня с этой купюры, и я почти представляю, как он сейчас злорадно смеётся. Но я лишь снова киваю и сворачиваю эти десять долларов, сминая их в кулаке, сжимая челюсти сильнее. Они платят больше. Намного больше. Нечестно, что Дэш забирает 99% от прибыли. Но у него мой паспорт, мои вещи и моя жизнь. Мне нельзя возражать. Я пока не смогу противостоять этой несправедливости, которая так усердно пытается потушить мой огонёк жизни. Но это только пока. Я справлялась и с вещами похуже в моей грёбаной жизни.

Я уже отворачиваюсь в сторону выхода из переулкa к кафе на углу, как вдруг раздаётся знакомый, отчётливый выстрел пистолета, который слышно даже с глушителем. Я не вздрагиваю, не вскрикиваю. Я уже привыкла к неожиданным моментам, тем более выстрел был не в меня.

Я медленно поворачиваюсь обратно и смотрю на асфальт. Дэш лежит с характерной дырой прямо во лбу. Так ему и надо, ублюдок. Хочу его уже пнуть, как мечтала все-

гда. Но в переулке раздаётся звук тяжёлых шагов, и я поднимаю взгляд. Мужчина. Нет, мужчины. Опасные мужчины. И все они смотрят на меня.

Я смотрю на них. На него. И впервые за долгое время чувствую, что меня видят. Не тело. Не дыру между ног. Меня. Это напрягает больше, чем ствол пистолета, который всё ещё дымится в его руке.

Глава 2. Кровь

Я не верю в предчувствия. Но когда фигура смотрит на тебя сквозь дождь, это не предчувствие. Это приговор, который еще не зачитан.

Я чёртов наёмный убийца. Моё имя произносят шёпотом в определённых кругах не только в Нью-Йорке, но и во всей Америке. Но уже как три дня меня нанял Винсент Гаттони. Он считает, что если он босс, то может распоряжаться любыми людьми так, как сам пожелает... Да, может, потому я и сижу в его особняке, даже не выходя за территорию, уже 72 часа.

Он нанял меня выявить предателя, крысу, которая пробралась внутрь и вытаскивает его секреты на поверхность. Следить, найти, убить. Это то, что мне нужно сделать. Обычно же я просто убиваю, не считаясь с тем, кто может ещё пострадать. Но Гаттони платит хорошие деньги. Если бы я ему отказал, то он бы нашёл способ меня убедить, даже если, по моему мнению, у меня нет слабых мест. Не знаю, какой из вариантов меня убедил больше, но один из них меня убедил.

Три дня. Мой ритуал неизменно прост: пью виски, чищу

свой пистолет — он же и мой единственный верный друг — и наблюдаю. Наблюдаю за слугами, которые постоянно спуют по каждому углу особняка, за охранниками, которые расставлены по всему периметру, как каменные горгульи. Этот особняк — чёртова крепость. Я даже не представляю, кто в своём уме мог решиться на то, чтобы пойти против Винсента Гаттони. Но по своему опыту знаю — всегда найдутся идиоты, которые решили пойти против системы.

Единственное, чего я не видел, а точнее, кого — жену Винсента. Дарья Гаттони. Её я подозреваю в первую очередь. Очередная жена-трофей, жена-жертва или даже жена, которая повелась на власть, которая её в итоге и погубит. Принцип работает всегда, безотказно и типично. Очередная женщина, обиженная на жизнь и на мужа, который оказался не таким, как она себе представляла, и теперь решила отомстить, извлечь для себя какую-либо выгоду, не думая о последствиях.

Я стою около окна своей комнаты, которую мне выделили на время моего «расследования». В руках, как обычно, стакан односолодового виски, но я не сделал ни глотка. Я наблюдал через окно за садом на заднем дворе. Дождь в Нью-Йорке идет уже четыре дня непрерывно; никто в здравом уме не станет выходить из тепла дома без причины. Но всё же я заметил фигуру.

Сначала я подумал, что это какой-то призрак. Присмотрелся, но нет, не призрак... Молодая женщина. Хрупкая, по-

что прозрачная фигура в белой рубашке, которая ей явно не по размеру, и со светлыми волосами, которые доходят ей до поясицы и немного потемнели от дождя. Вот она. Жена Винсента. Действительно выглядит как жертва, потерянная в этом мире крови и власти.

Я не мог чётко рассмотреть её лица из-за расстояния и чёртового проливного дождя, который барабанил по стеклу окна, как набат. Но уже через несколько секунд в сад вышла другая фигура. Винсент. В своём неизменно чёрном костюме от какого-то из итальянских дизайнеров, чьего имени невозможно произнести.

Он подошёл к ней сзади, положив свои руки ей на талию, от чего рубашка на ней слегка задралась, а контуры талии выделились под руками Винсента. Красивая, безусловно красивая.

Я отложил свой тяжёлый стакан в сторону, так и не сделав ни одного глотка, открыл окно и слегка выглянул наружу. Плевать на дождь, от которого волосы стремительно намокали и который скатывался по моему лицу. Теперь я видел ближе и лучше, но они не видели меня. Слишком увлечены друг другом.

Винсент поцеловал её в шею — жест собственника, видный даже издали. Но я наблюдал за её лицом. Только за её лицом. Не улыбнулась, не подалась навстречу поцелую, но и не отстранилась. Странно. Подозрительно.

В её глазах, серых или голубых, я не мог рассмотреть

цвет... что-то знакомое. Безднадёжность? Нет. Принятие? Нет. Отвращение? Точно нет. *Пустота*. Ни единого проблеска взаимности на действия Винсента. Она предатель. Я уверен в этом на 95%. На 100% в моём деле не может быть уверен никто, а я был лучшим.

Странно для женщины её типа: они хотя бы чувствуют отвращение или вину, а она — абсолютная пустота в самом извращённом её проявлении. Я нашёл зацепку, крючок, за который можно было зацепиться. Я должен был отвести взгляд, закрыть окно и начать копать под неё глубже. Но я не сделал ничего из этого. Наоборот, я слегка прищурился и наконец разглядел её глаза. Голубые, даже слишком голубые. Казалось, они могли заменить чистое небо в этом загрязнённом городе.

А затем произошло то, чего я совсем не ожидал. Она слегка повернула голову и посмотрела на меня, словно видела меня всё это время. В её глазах вспыхнуло что-то, что я не смог и не успел рассмотреть, проанализировать. А затем, словно ничего не произошло, она повернула голову к своему мужу и наконец слегка улыбнулась, всего лишь одними уголками губ. И теперь я уже не был уверен, улыбается ли она своему мужу или... *мне*.

Я резко отвёл голову обратно в комнату и с усилием закрыл окно. Я провёл рукой по своим мокрым волосам, но в моей памяти вновь и вновь появлялся этот взгляд. Эти глаза цвета чистого неба, которые смотрели прямо на меня. Я взял

в руку стакан, сжимая его крепче, чем нужно было, и выпил весь виски одним глотком. Но даже это не помогло мне избавиться от этих глаз.

Она, может, и была предателем, но что-то мне подсказывало — инстинкт, отработанный годами, или чёрт знает что — эта девушка была не так проста, как я думал о ней.

Её глаза... Глаза, глаза, глаза.

Глава 3. Шёлк

Всякий игрок знает: пешка у последней линии — это уже не пешка. Это вопрос времени. И одного хода.

— Винсент, *caro*, — шепчу, запрокидывая голову ему на плечо, чтобы он видел, как мои глаза становятся немного стеклянными. — У меня снова... *проблемы*. Мне нужно немного пространства.

Его хватка на моей талии сразу же ослабевает, теперь он лишь слегка касается. Он знает. С тех пор как он вытащил меня из того переулочка, он ни разу не позволил себе больше, чем я позволяю. А я позволяю ровно столько, чтобы он верил: я пытаюсь. Не отталкиваю. Не бегу. Просто сломанная кукла, которая медленно учится доверять.

— *Amore mio*, я всегда дам тебе то, что ты просишь, — пророкотал Винсент, полностью убирая руку с моей талии и отходя на шаг назад, но всё ещё не сводя с меня глаз. — Через час будет ужин. Тебе нужно отдохнуть.

Отдохнуть. Он думает, что я хрупкая. Что меня нужно чинить. Он не знает, что кукла давно научилась играть сама.

Винсент наконец-то отходит ещё на несколько шагов, а потом заходит обратно в особняк. Я снова остаюсь одна. Снова под проливным дождём. Всё ещё со своими мыслями и демонами в голове.

Я не стала рассказывать мужу про своё детство и тёмные моменты из прошлого. Вся моя жизнь состоит из таких моментов. Я могла бы боготворить его, бесконечно благодарить. Но... тогда я не была бы собой. Винсент лишь помог мне окончательно раздуть мой огонёк жизни, но он всё ещё убийца. Крови у него на руках столько, что он никогда не сможет отмыться, и я этого никогда не приму.

Я презираю его за то, чем он занимается. За то, чем он зарабатывает на жизнь. И даже за то, что он спас меня из той жизни, которая была до него. Я не просила его, я не умоляла, и я этого не ждала.

Да, я могу показаться неблагодарной сукой, но Винсент не лучше. Он сделал это не ради благого дела — я это знаю. Решил, что я красивая и сломанная игрушка, которая упадёт в руки любого, кто предложит помощь. И я упала, но не так, как думает он. Он видит во мне жертву. Пусть видит. Жертвы не опасны.

Мой взгляд снова возвращается к окну, которое теперь уже плотно закрыто. Новый мужчина в доме. Видимо, муж не сообщил мне, что теперь есть ещё один человек, который будет следить за каждым моим шагом. Будто всех этих охранников недостаточно. Но этот незнакомец совершенно

другой. В его взгляде даже издалека я увидела то, чего никогда раньше не видела. *Узнавание*. Будто он нашёл во мне то, что искал.

Теперь в моём списке дел появилась новая задача — выяснить, кто этот мужчина и что он во мне нашёл.

— Ну что, загадочный незнакомец, — шепчу я в пустоту, всё ещё глядя в закрытое окно на втором этаже, — мы с тобой ещё поиграем.

Слегка улыбнувшись, я повернулась и вошла в особняк. Может быть, меня и считают пешкой, но только пока. Пешка, которая дошла до последней линии, становится ферзём. Этого уже никто не сможет изменить. А тот, кто попробует, быстро исчезнет с моей шахматной доски.

Со своими мыслями я даже и не заметила, как дошла до гардеробной. Ужин. Значит, нужно надеть платье, которое понравится Винсенту. Он всегда был предсказуем в предпочтениях.

Моя рука коротко скользнула по вешалкам, которых здесь, кажется, не меньше пятидесяти, и остановилась на одной из них. Шёлк скользнул по моей коже, и уже через несколько секунд на моём теле, идеально облекая фигуру, красовалось платье.

Я подошла ближе к зеркалу в конце гардеробной и провела взглядом по своей фигуре. Чёрный шёлк облегал меня, как вторая кожа, едва доходя до середины бёдер. Меня считают красивой. Хрупкой. Иногда даже милой.

Я провожу кончиками своих пальцев по поверхности зеркала, очерчивая контуры моей фигуры и оставляя едва заметный след на поверхности. Как же иногда хочется испортить эти формы... Исцарапать лицо, чтобы меня больше не считали пешкой. Я хочу, чтобы все видели то, что происходит у меня внутри. Чтобы меня боялись и считали меня равной. Но не сейчас. Пока ещё не время. Я не могу испортить свой *план* из-за мимолётного желания.

Я слегка напрягаю пальцы, почти царапая ногтями зеркальную поверхность. Сломанная кукла. Пешка в чужой игре. Да, я должна ей быть. Эта игра стоит свеч.

Я натягиваю лёгкую улыбку — искусственную, не затрагивающую глаза — и наконец отпускаю зеркало. Время ужина. Время быть сломанной, но преданной женой.

Ровно в срок я захожу в просторную столовую на первом этаже. Большой обеденный стол на двенадцать персон. Несколько свеч. Множество разных блюд, большинство из которых в итоге останутся нетронутыми. Ужасное расточительство. Интересно, слуги потом забирают эту еду и едят её сами? Или следуют правилам и выбрасывают? Надеюсь, они её забирают. Некоторые — а точнее, большинство — правил Винсента, которые он установил в нашем доме, я никогда не пойму.

Винсент уже сидит во главе стола и, как только я вошла в тяжёлые дубовые двери, не сводит с меня глаз. Я знаю этот взгляд. Он хочет поговорить. И я даже догадываюсь о чём.

Но в этот раз я хочу начать разговор первой.

— Винсент, меня не было всего три дня, — спокойно начинаю я, садясь за стол справа от Винсента. — А ты уже успел поселить в наш дом ещё одного солдатика?

— *Amore mio*, ты же знаешь, что я не обязан отчитываться перед тобой, — сказал он, всё ещё держа меня под наблюдением, даже когда сделал глоток красного вина из бокала. — Арес пробудет тут столько, сколько мне понадобится. Он помогает мне в одном очень важном деле.

Важном деле? Следить за мной или пялиться через окно, как вуайерист? Обычно Винсент всегда говорит мне про свои дела, когда я спрашиваю. Особенно когда я спрашиваю. Почему же в этот раз он скрывает от меня подробности?

Этого солдатика мой муж назвал Аресом. Кровожадный бог войны. Смешно. Интересно, имя подходит под характер владельца? Надо будет это проверить. Как же о нём больше узнать?

— Важное дело? *Caro*, что за секретность? — слегка приподняв бровь, спрашиваю я, внимательно следя за выражением лица моего мужа. — Если у тебя есть какие-нибудь проблемы, то я всегда пытаюсь помочь тебе. Ты же знаешь меня.

Я едва не усмехнулась от своих же слов. Винсент знает ровно столько, сколько я позволяю ему знать. Как же хорошо я играю свою роль. Даже испытываю за себя гордость. Как там говорится... Пока сам себя не похвалишь — никто не

похвалит, верно?

— Дарья, если я не говорю тебе — значит, это не имеет смысла, — уже немного напряжённо отвечает Винсент, отчего я едва не открываю рот. — Я сказал, что Арес останется здесь на некоторое время, и он останется без лишних вопросов.

Ого, такого я точно не ожидала. Значит, проблема действительно важная. Но если мой муж не хочет говорить мне, то придётся выяснять самой. Игра становится всё интереснее и интереснее. По моей коже слегка пошли мурашки от предвкушения. Мне нравится.

Чем же ты занимаешься в моём доме, *солдатик*? Ты не сможешь от меня ничего скрыть, даже если очень сильно будешь этого хотеть. Я всегда узнаю правду любыми способами. Всегда. А способов у меня достаточно.

Оставшийся ужин прошёл в абсолютном молчании. Винсент иногда смотрел в свой телефон, как обычно. Его империя не ждёт. Но хотя бы в этот раз с нами не ужинают его «партнёры», которые так и пожирают меня глазами. Если бы не мой статус, они бы точно съели меня вместо ужина. Отвратительно.

Ближе к концу ужина телефон Винсента снова завибрировал. Он бросил на экран короткий взгляд, и его челюсть едва заметно напряглась.

— Бруклин, — сказал он, поднимаясь из-за стола и промокая губы салфеткой. — Переговоры с русскими. Опять.

Я не спросила, что именно «опять». По тому, как он произнёс это слово — с раздражением, которое он обычно прячет под маской спокойствия, — было ясно: Братва не уступает. Три месяца дележа территорий, три месяца напряжения, которое уже перетекло из войны в переговоры. Но до продвижения ещё далеко. Для Винсента это проблема. Для меня — *возможность*.

Он уехал через десять минут. Я слышала, как хлопнули двери чёрного внедорожника, как зарычал двигатель, как машины одна за другой выкатились за ворота. Основные охранники уехали вместе с ним. Остались только те, кто патрулирует периметр. На запасном выходе с территории открывается свободный доступ — на десять минут. Чаще всего — семь. И это моё время.

Я поднялась в гардеробную и быстро переоделась из платья в широкую чёрную толстовку с капюшоном и чёрные спортивные штаны. Странно выглядит при свете дня, но удобно в тени.

Выхожу из особняка, оглядываясь по сторонам. Три секунды справа. Три секунды слева. Две секунды назад. А потом — только вперёд. Дождь всё ещё идёт, мелкий и холодный, и капли стучат по капюшону, заглушая шаги. Полезно.

Ключи от запасной машины лежат там, где я их оставила — под камнем у стены старой оранжереи. Неброский серый «Хонда», купленный год назад через подставное имя. Не моя. Не Винсента. *Ничья*.

И уже через три минуты я сижу за рулём. Ненавижу водить, но это единственный способ выехать за территорию незаметно и быстро. В мой телефон встроено устройство слежения — подарок от любимого мужа — поэтому я оставила его в спальне, на тумбочке, где он обычно лежит.

Мотор заводится с первого раза. Я выкручиваю руль и медленно выкатываюсь на дорогу. Дождь стучит по лобовому стеклу, дворники скрипят, и в этом скрипе мне слышится что-то похожее на смех. Мой собственный смех. Над собой. Над Винсентом. Над всеми.

Еду без навигатора, поэтому пару раз путаюсь в поворотах и вместо двадцати минут добираюсь до места назначения за сорок. Плохо, но не критично. Руки немного дрожат, когда я останавливаю машину. Не от страха, от адреналина. Я уже давно не чувствовала ничего подобного. Пальцы сжимают руль крепче, чем нужно. Отпускаю.

Надеюсь, солдатик следит за мной. Он должен следить. Потому что именно для него я так постаралась над этой игрой. Пусть увидит, что жена его босса умеет исчезать из золотой клетки. Пусть попробует понять, зачем. Пусть подумает, что поймал меня — и ошибётся.

Всё для тебя, бог войны. Не подведи меня. Я жду тебя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.